

ПОЛИТИКА СМОКИНГА И ПОЛИТИКА МАСКХАЛАТА

Двойственная внешняя политика России стала зеркалом русской революции

Государственные перевороты сначала в Грузии, затем в Таджикистане и, наконец, в Азербайджане высветили общую тенденцию к реставрации старой номенклатуры в союзе с мафиозными элементами. Во всех без исключения случаях был и третий участник блока — демократическая Россия. Попытаемся понять — для чего «демократическому» российскому руководству нужно помогать номенклатурно-криминальным блокам отстранять законную власть?

Прежде всего, мы должны четко понимать, что есть две абсолютно разные внешние политики, которые осуществляются разными людьми, и эти люди руководствуются разными мотивами. Это — политика в дальнем, «настоящем» зарубежье, которую мы условно можем назвать «политикой смокинга», и в ближнем зарубежье, которую можно назвать «политикой маскхалата».

В дальнем зарубежье мы действуем, идя в фарватере Запада. Иногда проявляем нечто вроде сервиллизма — например, спешим с поддержкой сомнительной в правовом и моральном отношении бомбежки США Ирака. Здесь правит интеллигентный и хорошо говорящий по-английски Козырев, являющий собой облик новой России, которую можно пустить в «приличное общество» и которая любит в этом обществе находиться, пусть и не совсем в равноправной роли. Если судить по времени, уделяемому Козыревым странам дальнего зарубежья, можно подумать, что Дания или Греция для нас важнее Азербайджана или Украины. На самом деле для будущего России отношения с Украиной, Средней Азией, Беларусью важнее отношений даже с Японией или Францией. И роль России для будущего этих стран больше, чем роль любой другой страны. Россия не СССР, у нее нет возможности реально воздействовать на ситуацию в далеких уголках мира. Чем же объяснить, что МИД обращен прежде всего к дальнему, а не к ближнему зарубежью?

Можно, конечно, вспомнить извечную тягу нашей элиты к странам с конвертируемой валютой и красивой жизнью: «Не для того мы ИМО окончили, чтобы по Минскам и Киевам сидеть». Но главное, видимо, в другом. Наша дипломатия, скорее всего, бессильна в ближнем зарубежье. Если бы она всерьез занялась им, ей бы, скорее всего, тут же указали на место. Это иная сфера, где действуют иные законы и иные люди.

Здесь «поле игры» разных сил. Нажимают одни — и происходит наступление азербайджанцев, нажимают другие — наступают армяне.

Но кто и на кого «нажимает»? Очевидно, одной из сил, реально осуществляющей политику в ближнем зарубежье, выступает армия. Здесь генерал Лебедь важнее Козырева и, может быть, самого Ельцина. И понятно почему. Лояльность генералов жизненно необходима власти, и так как материальные ресурсы ее ограничены, она вынуждена смотреть сквозь пальцы на то, что армия сама заботится о своем благополучии. А возможности здесь грандиозны. Один бог знает, сколько у нас оружия. Подкинуть десяток-другой танков, помочь специалистами — ничего не стоит. Между тем в локальных войнах и мятежах это может решить все. Речь, конечно, не только о генералах, но и руководителях ВПК, чиновниках и вообще влиятельных людях. Номенклатура бывшего СССР — это громадная сеть личных связей, пересекающихся «кланов». Ясно, что два

бывших секретаря обкома или директора завода сохраняют неформальные отношения и в условиях, когда оба они оказались в разных государствах и стали «демократами». Внешняя политика в ближнем зарубежье просто не может осуществляться по нормальным каналам дипломатических ведомств. Было бы смешно, если бы, например, Гейдар Алиев или Эдуард Шеварднадзе с их московскими связями стали бы действовать через азербайджанский и грузинский МИД. Это особая сфера, где совершается «броуновское движение» встреч с нужными людьми и старыми друзьями.

Но в этом «броуновском движении» всё же можно усмотреть некоторые основные тенденции. Это, во-первых, шовинистические тенденции, о чем свидетельствует и политика в Таджикистане, и «игры» вокруг Крыма и Севастополя. Кроме того, в ней отчетливо прослеживаются тенденции «классовые». Новая Россия регулярно вмешивается в дела тех регионов, где у власти оказываются силы, не входящие в старую номенклатуру, и помогает их свергнуть. Это Гамсахурдия в Грузии (я совсем не хочу сказать, что Гамсахурдия был хорош, а Шеварднадзе — плох, но социальная противоположность Гамсахурдия и Шеварднадзе очевидна), это демократы и мусульмане, которых мы, естественно, объявили фундаменталистами в Таджикистане, наконец, это Эльчибей и народофронтвцы в Азербайджане. Россия вмешивается всегда, когда происходит не просто смена идеологической окраски, но колеблется реальное господство старой элиты.

«Внешнеполитический дуализм» — отражение более глубокого «дуализма» самой российской демократии. Она возникла не из народной революции. Подъем народа под демократическими лозунгами был, но он не главное. Главное все-таки в том, что сформировавшемуся в недрах советского общества правящему слою коммунистическая идеология становилась «тесна». Этому слою, утратившему веру в коммунизм, нужна была новая система легитимизации, он хотел стать «не хуже, чем на Западе». Секретарю райкома хотелось стать мэром, директору главка — директором корпорации, «теневику» — уважаемым бизнесменом. Наша демократия в громадной мере — «переодевание».

И распад СССР тоже в какой-то мере «переодевание». Когда бюрократическая элита пошла на раздел СССР, она не руководствовалась сколь-либо четкими идеями отказа от империи или права на самоопределение. Это был сговор бюрократий, стремящихся поскорее избавиться от старой формы, нацепив «смокинг». Это не воспринималось до конца всерьез, с ясным пониманием того, что возникнут новые государства с границами между ними.

Теперешняя элита — это старая элита в новых костюмах. Бывшие секретари обкомов могут вызывать восторги у американских сенаторов, провозглашая гибель коммунизма. И они могут быть даже искренни, поскольку в глубине души всегда на этот коммунизм плевали и рады его падению, давшему им возможность выступать перед сенаторами. Но они все равно остаются секретарями обкомов, со всеми соответствующими этому званию привычками и строем мыслей. Они довольны, что их приглашают в «приличное общество», и по такому случаю надевают смокинг, лишь иногда выдавая свое происхождение излишней суетливостью и стремлением услужить. Но в бывшем СССР они — у себя дома. Здесь они — в халате. Здесь сфера инстинктов — шовинистических, классовых и прочих.

Дуализм внешней политики — это дуализм формы и содержания российской демократии. Правда, форма — сила не меньшая, чем содержание, она способна это содержание подчинить и «перемолоть».

Но если все будет продолжаться так, как идет, ей содержания не побороть. Внешняя политика в ближнем зарубежье создает вокруг нас зону нестабильности,

на долгие годы вперед портит отношения с соседями. Она втягивает нас в неокOLONиальные войны. Демократическая форма, надетая нашим обществом, этого не выдержит. Противоречие между официальными лозунгами и ценностями и реальным поведением в ближнем зарубежье может сохраняться еще какое-то время, но все равно придется выбирать. И если мы хотим, чтобы выбор был в пользу «смокинга», мы должны понять, что судьба демократии в России сейчас решается в «ближнем зарубежье».